DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-48>

УДК 821.161.1

ВАРИАНТЫ МОТИВА ИСКУПЛЕНИЯ ГРЕХОВ: ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ НЕКРАСОВСКОГО СЮЖЕТА О ВЕЛИКОМ ГРЕШНИКЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

Н.А. Непомнящих (Новосибирск)

Аннотация

Сюжет о двух великих грешниках в русской литературе и культуре существует в двух вариантах. Первый – сюжет некрасовской «Легенды о двух великих грешниках» – имеет источником фольклорную легенду, где один из грешников убивает другого, еще большего грешника, и тем самым заслуживает у Бога прощения. Второй – сокращенный, переделанный в песню текст Некрасова, где вместо двух великих грешников остается один, раскаявшийся в монастыре. По смыслу эти варианты противоположны: второй проповедует христианское раскаяние и смирение ради искупления грехов, первый же, напротив, говорит о бунте и убийстве как единственном средстве спасения и имеет революционный / социальный подтекст. Однако в исследовательской литературе не всегда различаются эти два варианта сюжета, *цель работы* – разграничить оба варианта и проанализировать их функционирование. Некрасовский сюжет был подробно исследован в 1920–1960 годы. Вторая версия сюжета о раскаявшемся грешнике рассмотрена М.Н. Климовой в книге «От протопопы Аввакума до Федора Абрамова жития грешных святых в русской литературе» (2003). Сравнительный и мотивный анализ позволяют сделать вывод, что сюжет в его полной форме в XX веке использовал А.И. Куприн в рассказе «Демир-Кая: восточная легенда» (1906). Сокращенная версия сюжета, известная по песне в исполнении Федора Шаляпина, могла оказать влияние как на трактовку образа Степана Разина у Василия Шукшина, так и в целом на концепцию его фильма «Странные люди» (1969). Оригинальный вариант сюжета, не совпадающий ни с полной, ни с сокращенной версией, обнаруживается в рассказе Л.М. Леонова «Деяния Азлазивона» (1921). Таким образом, при анализе этого сюжета в каждом конкретном случае требуется исследование его возможных источников с учетом разницы между двумя названными вариантами.

Ключевые слова: *грешники, агиография, сюжет, мотив, русская литература, Некрасов, Леонов, Куприн, Шукшин.*

«**Л**егенда о двух великих грешниках» об атамане Кудеяре и двенадцати разбойниках из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» давно стала узнаваемой частью «текста русской культуры», некоторые цитаты стали «крылатыми словами». Популяризации некрасовской легенды способствовал Федор Шаляпин: именно благодаря его исполнению несколько переделанный текст песни и превратился в широко известный. Эту песню до сих пор исполняют не только на русском, но и на нескольких европейских языках. В музыкальной обработке легенда лишилась своей большей и значимой части, пре-

вратившись в отдельный вариант сюжета. Текст легенды из поэмы Некрасова, положенный на музыку, был существенно сокращен и изменен. В нем отсутствует продолжение истории: грешнику не помогли молитвы в монастыре, лишь убийство более страшного грешника, чем он сам, искупает в итоге его грехи. В усеченном, песенном варианте легенда становится очень похожей на сюжет более раннего стихотворения «Влас» (1854). В таком варианте сюжета разбойник раскаивается, уходит в монастырь замаливать грехи и доживает там в молитвах до глубокой старости.

М.Н. Климова, исследовавшая сюжет о раскаявшемся грешнике в русской литературе, подробно анализирует «миф о великом грешнике» в монографии «От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: жития грешных святых в русской литературе». Она выделяет основу-триаду этого сюжета «грех – покаяние – воскресение» и обнаруживает эту сюжетную схему в произведениях разных авторов. По замечанию самой М.Н. Климовой, пока этот сюжет в древнерусской литературе системно не исследован. Его воздействие на литературу XIX–XX веков часто связывают с именем Н.А. Некрасова и его легендой. Однако следует учитывать, что влияние некрасовского сюжета главным образом шло через песенное его исполнение. К сожалению, исследования его песенного бытования нет, хотя, на наш взгляд, важно понимать, где речь идет о влиянии, воздействии или цитировании именно «песенного сюжета», а где – собственно некрасовского сюжета и текста, поскольку они существенно различаются как по объему, так и по содержанию, а самое главное, по тому смыслу, идее, который они обретают в своем «каноническом» виде.

Источником сюжета для «Легенды о двух великих грешниках» Некрасова были фольклорные легенды. Сюжет фольклорных легенд, взятый за основу Некрасовым, очень древний, он встречается у разных славянских и некоторых других народов, его историю и вариации исчерпывающе проанализировал в 1920 годах Н.П. Андреев [Андреев, 1929]. В этой версии грешник искупает свою вину не уходом в монастырь, а убийством еще более «великого грешника».

Сперва следует рассмотреть каждый из вариантов в отдельности, а потом соотнести с теми художественными текстами, где он использован.

*Вариант 1. Фольклорный сюжет о двух великих грешниках,
в котором первый грешник, убивая другого грешника,
искупает свои тяжкие грехи*

Нужно отметить, что существует несколько печатных вариантов легенды «О двух великих грешниках»: подцензурные и авторский. Они отличаются немногим. Будем говорить о том, который дан как основной в полном собрании сочинений и писем Н.А. Некрасова¹.

¹ Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М.Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 5: Кому на Руси жить хорошо [Поэма / подгот. текста и коммент. О.Б. Алексеева и др.]. С. 207–210.

Сюжет этот по своему происхождению фольклорный. Его история подробно изучена Н.П. Андреевым в 1920-е годы, им насчитано 55 вариантов легенды [Андреев, 1929, с.188]. Он выяснил, что подобный сюжет есть у многих народов. В качестве героя в рассказах чаще всего выступает разбойник, а также на его месте могут быть убийца родителей / кровосмеситель / охотник.

Сам сюжет схематично выглядит так.

1. Некий великий грешник кается в своих грехах.

2. Ему назначается неисполнимая епитимья (наказание, которое он должен исполнить сам).

3. Он убивает более тяжкого грешника, чем он сам, и тем самым заслуживает прощение.

По данным Н.П. Андреева, в фольклорных вариантах легенды грешник убивает самых разных грешников: человека, осквернившего мертвое тело (серб., араб., рус.); человека, который хочет расстроить чужую свадьбу (южнослав., Балканский вариант); жестокого пана, бурмистра, несправедного судью (фин.), адвоката, царя-людоеда (укр.); панского приказчика, который колотит по могилам крепостных крестьян, сгоняя их на барщину (укр.); возчиков табака (рус.) или черта (галиц.). Варианты епитимьи, которую должен исполнить грешник, тоже разнообразны: посадить / поливать сухую головешку / ветку / пень, пока они не зазеленеют; пасти черных овец, пока они не побелеют; долбить скалу, пока из нее не потечет вода; носить на себе привязанные мешки с камнями, пока те сами не упадут [Андреев, 1929, с.188–189].

Н.П. Андреев также установил, что в основу некрасовского текста положен украинский или польский вариант фольклорной легенды, наиболее поздний, так называемая «социальная» ее версия, впрочем, исследователь не был уверен, что в основе некрасовского текста может быть какая-то неизвестная ему версия, поскольку ни в одной из фольклорных версий нет епитимьи срубить дерево ножом. Впоследствии М.М. Гин, анализируя мнения разных исследователей, предположил, что Некрасов, скорее всего, придумал эту епитимью сам, а также он выяснил, что у Некрасова слились в одну два разных фольклорных источника: легенды, сказания о Кудеяре-атамане – разбойнике и легенда, о которой писал Н.П. Андреев [Гин, 1962, с. 87–89].

«Социальная», довольно поздняя версия легенды, взятая за основу Некрасовым, недвусмысленно оправдывает насилие как способ избавления от угнетателей народа, и именно в такой интерпретации позиция поэта долгое время была представлена в учебниках литературы. В таком понимании сюжет становится полемичен по отношению к позиции Достоевского и в целом тех авторов, которым русский бунт виделся скорее «бессмысленным и беспощадным», нежели революционно-спасительным. Кроме того, довольно явственна параллель между разбойником из легенды и другим героем поэмы Некрасова – дедушкой Савелием, «богатырем святорусским», собирательным образом крестьянина, кото-

рый попал на каторгу за убийство жестокого управляющего. В одном из вариантов украинских легенд «более великим / вторым грешником», которого должен убить первый, как раз и был управляющий, известный своей лютой и неоправданной жестокостью.

Сюжет в его полной форме, а именно грешник искупает грех, убивая более великого грешника, в XX веке использовал А.И. Куприн в рассказе «Демир-Кая: восточная легенда» (1906). В нем сохранены все его основные составляющие: 1) жестокий разбойник убил 99 человек, включая стариков, женщин, детей; 2) ему является посланник Бога (ангел) с наказом построить гостиницу для странников на перепутье 7 дорог и служить там путникам, повеление сопровождается также наказом исполнить невыполнимую епитимью (она есть в фольклорных легендах) – посадить сухую головешку в землю, поливать ее и ждать, пока она прорастет и зазеленеет: именно этот момент покажет, что грехи разбойника прощены; 3) разбойник следует повелению; 4) однажды разбойник убивает дерзкого гостя, плюнувшего ему в лицо, он думает, что годы смирения пошли прахом; 5) но именно в этот момент головешка прорастает и зеленеет, поскольку он убил предателя, польстившегося на награду: заговорщики хотели убить злого жестокого падишаха (социальная версия фольклорной легенды), а он решил их выдать.

В фольклорных легендах нет варианта с предателями, это художественный домysel Куприна. Любопытно, что писатель сохраняет все составляющие архаического фольклорного сюжета, включая сухую головню и злобного падишаха. Отметим явную числовую символику рассказа: фольклорные 7 дорог, 99 убитых и последний, сотый, снявший грех убийства. Нельзя, однако, сказать, что рассказ Куприна написан под влиянием «Легенды о двух великих грешниках» Некрасова: он использует иные фольклорные мотивы, например, для неисполнимой епитимьи. Потому здесь речь идет об использовании одного и того же фольклорного сюжета в его разных фольклорных вариациях, а не о литературной традиции и сюжете Некрасова.

*Вариант 2. Сокращенный «песенный» вариант сюжета,
где грешник искупает грехи уходом в монастырь*

«Песенный» вариант сюжета – это усеченный и немного переделанный вариант книжного некрасовского сюжета. По сути, вся история здесь заканчивается раскаянием разбойника и уходом его в монастырь, причем в песенной версии рассказчиком истории становится сам состарившийся в монастыре разбойник. В очевидно фольклорной по своему происхождению некрасовской легенде есть и один типично житийный мотив: речь идет о явлении святого с повелением исполнить высшую волю («угодник предстал»). Подробно этот мотив в житиях русских святых – основателей монастыря описан Т.И. Ковалевой [Ковалева, 2009]. Именно этот момент, скорее всего, повлиял на изменения в песенном варианте: в житиях сам будущий монах / основатель монастыря, получивший указания от святого, должен выполнить этот высший наказ – уйти в скит,

построить монастырь в честь святого и т.п. Наверняка сюжет «достроился» по образцу житийного благодаря этому мотиву. Потому в финале песенного варианта становится понятным, что историю рассказывает тот самый раскаявшийся грешник, удостоенный видения святого и получивший от него указание отмаживать грехи. Он в точности исполнил то, что ему было предназначено. Именно такая версия наиболее согласуется с традиционными житийными мотивами и сюжетами о преподобных святых, она привычна для слушателя, знакомого с агиографической литературой. В таком варианте сюжет распространялся как народная песня, музыку для которой, по разным сведениям, написал композитор Николай Манькин-Невструев. Музыкальное оформление стилизовано под церковное пение, и сейчас песенную версию легенды можно найти в репертуаре многих известных монастырских хоров.

М.М. Гин указал, что некрасовский текст мог повлиять и на других авторов, которые обращались к фигурам разбойников: «Поворот в настроениях героя, с введением имени Кудеяра и его любовницы, оказался отодвинутым, и одновременно подготовлена последующая расправа с любовницей, а заодно и с есаулом. Легенда о Кудеяре слилась в единое целое с легендой о двух великих грешниках. Кудеяр обычно не изображается народом как раскаявшийся грешник. Имеются, правда, в литературе отзвуки легенд, в которых говорится, что в конце жизни он стал замаливать свои грехи. Это рассказ С.Г. Скитальца „Полевой суд“, опубликованный в 1905 г. в одном из горьковских сборников „Знание“, и недавно появившийся очерк О. Волкова „Клад Кудеяра“, но в обоих случаях не исключена возможность влияния Некрасова. Тем не менее следует иметь в виду, что в такого рода финале легенды о Кудеяре нет ничего невероятного, и Некрасов, делая Кудеяра героем легенды о раскаявшемся грешнике, не совершил даже малейшего насилия над фольклорным материалом» [Гин, 1962, с. 93]. Упомянув вскользь о влиянии некрасовского текста на очерк Скитальца, М.М. Гин, однако, не дает его подробного анализа. Таким образом, пока остается неясным, насколько мог воздействовать именно книжный, а не песенный текст, финал которого как раз и ознаменован полным раскаянием грешника. Песенный вариант наиболее близок тому «мифу о великом грешнике» в русской литературе, который подробно исследован М.Н. Климовой.

Песня в исполнении Шаляпина могла повлиять на трактовку образа Степана Разина в одном из фильмов Василия Шукшина. По воспоминаниям Валерия Гинзбурга, во время работы над фильмом «Странные люди», главный герой которого вырезает из дерева фигуру Разина, Шукшин все время старался выведать «народное» отношение к Разину. Валерий Гинзбург также пишет, что Шукшин поменял сценарий фильма после прослушивания пластинки, где была запись легенды в исполнении Шаляпина². Некоторые размышления на эту тему найдем у

² Гинзбург В. Ученическая тетрадь в коленкоровом переплете // О Шукшине: Экран и жизнь / сост. Л. Федосеева-Шукшина и Р. Черненко. М.: Искусство, 1979. Цит. по: Василий Шукшин. URL: <http://www.host2k.ru/library/o-shukshine-ekran-i-zhizn10.html>

протоиерея Сергея Фисуна в статье «О духовных исканиях Василия Шукшина»³, где он высказывает идею, что именно услышанное Шукшиным исполнение песни о двенадцати разбойниках Шаляпиным привело к осознанию писателем того, что Разин – жестокий разбойник, а не поэтический герой народного эпоса, причем разбойник нераскаянный. Ителлигентская поэтизация, романтизация лютого разбойника (в фильме это интеллигент Вениамин Захарович, читающий колхозникам лекции о Разине) в итоге привела к разрушению деревни и векового уклада жизни, подмене ценностей: церковный звон действующей церкви почему-то слышен как бой курантов, лишь в финале, когда под звучание песни о двенадцати разбойниках народный ремесленник-скульптор сжигает не получившуюся у него фигуру Стеньки Разина, обретающую в языках огня вид Люцифера, звучит настоящий колокольный звон⁴. Сравнение рассказа и фильма, изменения трактовки образа Разина у Шукшина – отдельная интересная тема.

В современной литературе Кудеяр как атаман, но радикально переосмысленный появляется в романе «Кысь» Т. Толстой: Кудеяр Кудеярович, разбойник «в квадрате», ставший «Главным санитаром» в результате переворота, композиционно противопоставлен главному герою. Он одна из составляющих «русского мифа» в романе, недаром его имя отсылает к узнаваемому образу, о связи с литературными источниками говорит по преимуществу оно, а не сам «сюжет о великом грешнике» [Ковтун, 2009, с. 85–98]. Тема Кудеяра-разбойника, а не раскаянного грешника, сейчас в основном актуализируется в сферах, с литературой не связанных: различного рода «кладоискателями», на сетевых краеведческих ресурсах (сразу несколько областей претендуют на Кудеяра не как на фольклорного героя, но как на разбойника, существовавшего некогда в их местности реально); образ Кудеяра активно начинает использоваться с целью привлечения туристов; снято несколько фильмов о разбойнике Кудеяре, один из которых транслировался государственным телеканалом «Культура»⁵. Однако это уже сфера исследований истории и культурологии, поскольку, когда разговор «касается российской самобытности, воплощенной в образах и стереотипах... их проявление видится в артефактах и событиях, которые становятся доминантными для большинства населения, а также в стереотипах, тиражируемых рекламой и средствами массовой информации» [Religious Vector..., 2014, с. 13].

Если вернуться к вариантам сюжета о великом грешнике и мотиве искупления грехов путем ухода в монастырь в литературе XX века, то стоит отметить оригинальный вариант сюжета в рассказе Л.М. Леонова «Деяния Азлазивона» (1921). Завязка сюжета сходна как с «Легендой о двух великих грешниках» Некрасова, так и с песенным вариантом сюжета: атаман шайки разбойников уби-

³ Фисун С. О духовных исканиях Василия Шукшина // Православие.ру [Электронный ресурс]. URL: https://pravoslavie.ru/124279.html#_edn17

⁴ Там же.

⁵ См., например: Легенда о Кудеяре. 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=YF_Y3N8qzPw; Сокровища атамана Кудеяра // Искатели. Телеканал «Культура». URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20907/episode_id/1155474/video_id/1118278/

вает семейство купца и ему начинает являться святой с повелением раскаяния. После троекратного видения святого атаман Ипат распускает свою шайку, однако все остаются с ним и начинают строить церковь и скит. Дальше сюжет изменяется и становится сюжетом о противостоянии новоиспеченных монахов козням нечистой силы. Назначенная святым Нифонтом епитимья не кажется неисполнимой: бывшим разбойникам нужно продержаться против войска Азлазивона, по велению святого, первые 10 лет. Поначалу у них даже это получается, хотя каждый год кто-то из новоиспеченных монахов погибает от козней бесов. В конце концов одолеть Азлазивона монахам не удается: они и монастырь погибают в огне лесного пожара. Написанный в начале 1920-х годов рассказ Леонова воспринимается как притча о революции, а на вопрос, заданный еще В. Распутиным при первой публикации, спаслись ли покаявшиеся, можно ответить: нет.

В рассказе сложная числовая символика, восходящая как к фольклору, так и к агиографии [Непомнящих, 2014б], много отсылок к житиям разных святых, эпизодам их борьбы с бесами [Непомнящих, 2014а]. В рассказе Леонова нет «более великого грешника», которого бы следовало убить во искупление грехов. Одолеть нужно самого дьявола. В этом противостоянии есть лишь сами разбойники и колоритные бесы, имеющие собственные имена и ранги, и между бывшими разбойниками, а ныне монахами, и нечистой силою идет постоянная война. У Леонова отсутствует вторая часть сюжета, где герои должны обрести искупление своим грехам: искупления не случается, мало построить скит и проводить жизнь в монастырской жизни и молитве.

Леоновский рассказ словно находится в оппозиции популярному в начале XX века песенному варианту, по которому разбойник обретает прощение по факту ухода в монастырь и пребывания в нем: по Леонову, разбойники прощены быть не могут, так как им неведомо раскаяние. Они лишь внешне соблюдают все обряды и ритуалы, воюют с бесами, но грехов своих не осознают. Разбойник в некрасовской легенде или купринский герой себя победить и смирить не смогли, зато им даровано искупление, поскольку их высшая доблесть – в отказе от смирения перед лицом абсолютного социального зла. Для Леонова, наблюдавшего события 1917–1920 годов воочию, такой вариант развития событий в рассказе оказывается неприемлемым: нельзя кровью искупить пролитую кровь. Убийства невинных людей прощены быть не могут никакими способами: ни убийствами злодеев, ни отмаливанием грехов. Его разбойники погибают побежденными дьявольской силой: они не сумели выстоять, выдержать наложенную на них святым епитимью.

Если трактовать сюжет как вариант «некрасовского», то он обрывается на середине. Если понимать его как усеченную песенную версию, то в нем нет финала – прощения в результате ухода в скит и последующего основания монастыря. И если «песенный вариант» воспроизводит, по сути, житийную схему сюжета с прегрешением, покаянием, искуплением грехов, то Леонов создает версию «антижития», где все значимые сюжетобразующие агиографические мотивы вроде бы есть, но они наполняются противоположными житийным мотивам

смыслом [Непомнящих, 2014a]. История русской литературы знает подобные тексты, в них отражен мир антикультуры, они могут быть нейтральны по отношению к вопросам религии и могут представлять своеобразную рефлексию по некоторым важным морально-этическим вопросам, не имея отношения ни к агиографии, ни к религии [Скляров, 2019, с. 17–18].

О популярности песни в исполнении Шаляпина в начале XX века можно судить по пьесе Булгакова «Бег»: песня о двенадцати разбойниках звучит в самом финале (в экранизации ее нет). Она идет фоном, рефреном к словам героев о возвращении на родину, ее слова перебиваются криком муэдзина.

Хор разливается шире: *«Господу богу помолимся, древнюю быль возвестим!..»* Издали полился голос муэдзина: *«La illah ilia illah...»*

Часы пробили пять. Над каруселью поднялся флаг вдаль, и послышались гармонии, а с ними хор у Артура на бегах: *«Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман...»*

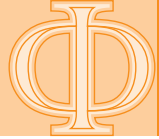
Ба! Слышите? Жива вертушка, работает! (Распахивает дверь на балкон.)

Хор полился яснее: *«...много разбойники пролили крови честных христиан...»*

Пьеса Булгакова написана в 1925–1928 годах, то есть позже рассказа Леонова, темой ее также становится осмысление революционных событий и их последствий по «горячим следам».

Вывод

Итак, существует два варианта сюжета об искуплении грехов великим грешником – чаще всего в его роли выступает разбойник. И хотя сюжет о раскаявшихся разбойниках не слишком распространен в литературе XX века, однако в каждом конкретном случае он требует анализа его возможных источников: как самого некрасовского оригинального текста, так и переработанной в песню сокращенной и переосмысленной его версии. Оба варианта сюжета – полный, «некрасовский», и «усеченный», песенный, – начинаясь одинаково, заканчиваются по-разному, а самое главное, имеют противоположные по смыслу значения. Если в некрасовской, фольклорной по происхождению версии сюжета убийство грешником еще большего, чем он, злодея оправдывается и он обретает таким путем искупление своих грехов, то в песенной версии дана традиционная христианская трактовка сюжета о раскаявшемся грешнике, ушедшем замаливать былые грехи в монастырь, именно эта версия часто воспринимается как «житийная», или агиографическая, из-за сходства их сюжетной схемы-триады. Важно оба варианта различать, поскольку они имеют разные по смыслу трактовки. В первом варианте грешник искупает грехи не молитвами и отшельнической жизнью, а убийством человека, что показывает главенство бунта человека против зла, это восстание против позиции христианского смирения. Во втором же случае сюжет полностью согласуется с традиционными христианскими ценностями, герой обретает искупление грехов посредством смирения и раскаяния. Потому эти варианты не следует смешивать и в каждом конкретном случае необходимо указывать, какая именно версия сюжета о раскаявшемся грешнике была использована в том или ином тексте.

Библиографический список

1. Андреев Н.П. Легенды о двух великих грешниках // Известия Ленинградского пед. ин-та им. А.И. Герцена. 1929. Вып.1. С.186–198 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-literature.org/tom/419928>
2. Гин М.М. Спор о великом грешнике (Некрасовская легенда о великом грешнике и ее истоки) // Русский фольклор. М.; Л., 1962. Т.VII. С. 84–98.
3. Климова М.Н. От протопopa Аввакума до Федора Абрамова жития грешных святых в русской литературе. Новосибирск, 2010. 135 с.
4. Ковалева Т.И. Жанровые особенности рассказов о видениях (сюжетная ситуация основание церкви / монастыря) // Нарративные традиции славянских литератур: повествовательные формы Средневековья и Нового времени. Новосибирск, 2009. С. 103–111.
5. Ковтун Н.В. Русь «постквадратной» эпохи (К вопросу о поэтике романа «Кысь» Т. Толстой) // *Respectus Philologicus*. 2009. № 15 (20). P. 85–98.
6. Непомнящих Н.А. «Деяния Азлазивона» Л.М. Леонова: агиографический сюжет и жанр в авторской интерпретации // Сибирский филологический журнал. 2014а. № 1. С. 110–116.
7. Непомнящих Н.А. Семиотика чисел в рассказе Л.М. Леонова «Деяния Азлазивона»: источники и семантика // Сюжетология и сюжетография. 2014б. № 2. С. 22–28.
8. СклЯров В. Антижитийные мотивы повести Николая Гоголя «Шинель» // *PRZEGLĄD RUSYCYSTYCZNY*. 2019. № 2 (166).
9. Religious Vector in Russian History and the Stereotypes of Cultural Imagery (Религиозный вектор истории и культурно-образные стереотипы России) // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 13.

Сведения об авторе

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); e-mail: alkat@ngs.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-48>

VARIANTS OF THE SIN ATONEMENT MOTIF: ON THE LIFE OF NEKRASOV'S PLOT ABOUT A GREAT SINNER IN THE RUSSIAN CULTURE OF THE XX CENTURY

N.A. Nepomnyashchikh (Novosibirsk)

Abstract

Problem statement. There are two versions of the plot about two great sinners in the Russian literature and culture. The first version is Nekrasov's one, based upon a folk tale, in which one sinner killed the other and earned God's pardon for this. The second version is the same Nekrasov's text, shortened and transformed into a song in which only one great sinner remains. Instead of committing a murder, he repented in a monastery. The versions express the opposite positions. The second one preaches such Christian virtues as repentance and humility. On the contrary, the first version shows that one can achieve salvation only by rebellion and murder. It has a revolutionary/ social connotation.

The purpose of the article. These two versions of the plot are not always distinguished in the research literature. The purpose of the article is to draw a distinction between the versions and to analyze their functioning.

Review of scientific literature on the problem. Nekrasov's plot was thoroughly studied in 1920s-1960s. M.N. Klimova examined the second version in her book *Ot protopopa Avvakuma do Fiedora Abramova: Zhitiya greshnykh sviatykh v russkoi literature (From the archpriest Avvakum to Theodore Abramov: hagiography of the sinful saints in the Russian literature)*, 2003.

Methodology and research results. The comparative method along with the motif analysis leads to the conclusion that the full version of the plot was used by A. Kuprin in *Demir-Kaya: Vostochnaya legenda (Demir-Kaya)*, 1906. The shortened version, widely known as the song performed by F. Chaliapin, could affect Stepan Razin's image created by V. Shukshin in his film as well as the concept of the *Strannyie liudi (Strange people)* film (1969). The unique version of the plot, which differs from both full and short versions, is discovered in L.M. Leonov's *Deianiya Azlazivona*, 1921.

Conclusion. When analyzing the plot, one should identify the possible sources of the plot on the basis of the differences of two versions mentioned above.

Keywords: *sinners, hagiography, plot, motif, Russian literature, N. Nekrasov, L. Leonov, V. Shukshin, A. Kuprin.*

References

1. Andreev N.P. Legendy o dvukh velikikh greshnikakh [Legends about two great sinners] // *Izv. Leningradskogo ped. in-ta im. A.I. Gertsena*. 1929. Vyp.1. S.186–198.
2. Gin M.M. Spor o velikom greshnike (Nekrasovskaya legenda o velikom greshnike i ee istoki) [Dispute about the great sinner (Nekrasov legend about the great sinner and its origins)] // *Russkiy fol'klor*. M.; L., 1962. T.VII. S. 84–98.
3. Klimova M.N. Ot protopopa Avvakuma do Fedora Abramova zhitiya greshnykh sviatykh v russkoy literature [From protopop Avvakum to Fyodor Abramov lives of sinful saints in Russian literature.]. Novosibirsk, 2010. 135 s.
4. Kovaleva T.I. Zhanrovye osobennosti rasskazov o videniyakh (syuzhetnaya situatsiya osnovanie tserkvi / monastyrya) [Genre features of stories about visions (plot situation Foundation of the Church / monastery)] // *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur: povestvovatel'nye formy Srednevekov'ya i Novogo vremeni*. Novosibirsk, 2009. S. 103–111.

5. Kovtun N.V. Rus' „postkvadratnoy” epokhi (K voprosu o poetike romana „Kys” T. Tolstoy) // *Respectus Philologicus*. 2009. No. 15 (20). R. 85–98.
6. Nepomnyashchikh N.A. „Deyaniya Azlazivona” L.M. Leonova: agiograficheskiy syuzhet i zhanr v avtorskoy interpretatsii [„Acts of Azlazivon” by L. M. Leonov: hagiographic plot and genre in the author's interpretation] // *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2014a. № 1. S. 110–116.
7. Nepomnyashchikh N.A. Semiotika chisel v rasskaze L.M. Leonova „Deyaniya Azlazivona”: istochniki i semantika [Semiotics of numbers in L. M. Leonov's story [„Acts of Azlazivon”: the sources and semantics] // *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2014b. No. 2. S. 22–28.
8. Sklyarov V. Antizhitynye motivy povesti Nikolaya Gogolya „Shinel”» // *PRZEGLĄD RUSYCYSTYCZNY*. 2019. No. 2 (166).
9. Religious Vector in Russian History and the Stereotypes of Cultural Imagery (Religioznyy vektor istorii i kul'turno-obraznye stereotipy Rossii) // *Quaestio Rossica*. 2014. No. 3.

About the author

Nepomnyashchikh Natal'ya Alekseyevna – PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); e-mail: alkat@ngs.ru